СТИЛИ ФИЛОСОФСКОГО МЫСЛЕТВОРЧЕСТВА И ПОИСК СУБЪЕКТОМ СВОЕЙ ФИЛОСОФСКОЙ СТЕЗИ «ПОВЕРХ ИХ РАЗМЕЖЕВАНИЯ»

УДК 1

В.В. БАРКОВА, В.И. ЛИПСКИЙ, Т.В. НИКАНОРОВА

«Живая плоть» нарративов, дискурсов, философских рефлексий, начиная с античных софистов и Сократа, постоянно влекли к себе талантливых личностей, способных не только на публичное высказывание собственных способов осмысления действительности, общества, человека и его места в мире, но и отражение своих мыслей в разнообразных формах и стилях философского мыслетворчества. Время сохранило в памяти культуры имена этих мыслителей: Аристотель, Зенон, Парменид, Пифагор, Платон, Фалес и т. д.

В эпоху Средневековья философское мыслетворчество, являя свет естественного, но смертного разума, сосредоточило внимание на дозволенных Церковью темах в рамках канонического мышления: комментировании текстов Библии, размышлений отцов Церкви. Однако оно находило «обходные пути» реализации своего потенциала, заявляя его в комментариях к переводной литературе с арабского, иврита, в герменевтических программах А. Кентерберийского, Ф. Аквинского, П. Расцелина, П. Абеляра. Однако их смысловые интерпретации, нарративы, дискурсы выстраивались теологами в тот логико-смысловой порядок, который был направлен на оправдание «лестницы бытия», созданного Богом. Такой стиль мыслетворчества назывался «спасением явлений». Фома Аквинский, рассуждая по поводу подобных методологических конструкций, оправдывал их существование тем, что первой философией является знание истины не какой угодно, а той, которая есть источник всякой истины. Началом же всякой истины есть Бог.

В Новое время философское мыслетворчество устремилось к изучению естественнонаучных конструктов миробытия. Осознание значимости коперниканской революции, достижений Галилея, Ньютона, Кеплера привело к переосмыслению места и роли человека в объективных закономерностях природного развития. Ф. Бэкон, Р. Декарт, Б. Спиноза, Герберт, И. Кант, Гольбах, Гельвеций и др. стали наращивать усилия в поиске общезначимых истин, применимых к осмыслению бытия во всех ипостасях его явлений. В «Пролегоменах, ко всякой будущей метафизике, могущей появиться как наука» И. Кант высказывает мысль о том, что философия должна оставаться «хранительницей наук». Гегель разделы «Энциклопедии философских наук» представил как особые философские науки. «Ветвящийся» при этом характер философского мыслетворчества стимулировал развитие классических, логико-рационалистических традиций философствования, получивших воплощение в неоплатонизме, неоаристотелизме, картезианстве, кантианстве, шеллингианстве, гегельянстве, марксизме и т. д. Но чем активнее классическое философское мыслетворчество сосредотачивало внимание на исследовании социальной жизни, тем интенсивнее в нем «прорастали» некие, не соответствующие его установкам, но, связанные с природой человека и его самопознанием тенденции и парадигмы. Их даже по-началу было трудно уловить «в сети понимающего слова» (С. Франк). «Прорезавшиеся» аспекты мировидения демонстрировали способность «высвечивать» такие социокультурные ценности человеческого бытия, значимость изучения которых осознавалась не только «философским сообществом», но и специалистами других сфер познания, открывая путь к постижению уникального мира личностных переживаний человека «в его бытие – пути». Речь идет о феноменологии, герменевтике, понимающей социологии, онтопедагогике, и т. п. Эти аспекты человекопознания «обнажали» сущностные конструкты жизненного мира человека, неповторимые по своей значимости смыслы, ценности, идеалы.

В античные времена уже были «нащупаны» стези этих стилей философской мыследеятельности и особенности языковых форм их презентирования. Философская мысль, «вкусив» в материнском религиозно-мифологическом лоне нектар из метафорических способов мыслевыражения, генетически «унаследовала» матрицы этого стиля рассуждений, но теперь уже для выражения собственного строя мысли. Как это было у Ксенофана и Парменида, Платона и Лукреция Кара, в письмах Эпикура

и Сенеки. И. Н. Сиземская подметила, что художественно-образный стиль философского мыслетворчества в целом создал качественно иные механизмы миросозерцания и миропонимания. Сила мышления здесь, приумножаясь силой человеческого воображения, наполняет философское знание о мире и человеке богатством, не охватываемым умом, «жизненных окраин» мировоззрения. Застывшие реалии-конвенции логико-рационалистического стиля философствования подвергаются в нем рефлексивной «переплавке», приобретая такую смысловую многосложность, которая «подвигает» философствующий разум становиться «прорицающим» разумом. Герменевтически истолковывать метаморфозы развития Вселенной, природы, человеческого «Я», которые способны обрести реальность при условиях, отсутствующих непосредственно «здесь и сейчас». Интуитивные мыслеобразы воспринимаются как «знаки» чего-то важного, сокровенного, ранее непостижимого, прятавшегося в глубинах мысли и духа. Не случайно великий теоретик немецкой классической философии Гегель находил в трудах Софокла, Аристофана, Шекспира, даже Дидро воплощение и полное подтверждение некоторых своих идей и активно опирался на их труды в «Феноменологии духа». Закончил же он это самое философское из всех философских произведений стихами Шиллера.

Художественно-образные стили мыслетворчества, став «визитной карточкой» новых философских течений, «проросли» в персонализме, философии жизни, экзистенциализме, отечественной религиозной философии, феноменологии и т. д. Разнообразные смысловые компрессии, заложенные в художественно-образном стиле философского дискурса, позволили найти «общий язык» представителям различных философских направлений, исповедующих подчас противоположные мировоззренческие позиции, определить общие «философские концептуальные каркасы» позитивизму и экзистенциализму (Сартр, Камю, Ясперс), разнообразным теоретическим синтезам психоанализа с марксизмом (Э. Фромм), неофрейдизму с социологией (Маркузе) и т. д. «Озвучивая» разноплановость путей человеческого самосознания, этот стиль философствования позволял осмысливать всю полноту переживаний бытия в его противоречивой целостности. Секрет рождения целой гаммы стилей философского мыслетворчества кроется даже не в предмете рефлексии, а в способе отношения субъекта философствования к бытию, манере «означивания» им своих убеждений, мировоззренческих позиций. К. А. Свасьян писал, что мыслить вещи, явления, события — значит наделять их собственным «Я», которое, не переставая быть моим «Я», становится в них их смыслом и сущностью.

Используя максимальный объем культурного опыта человечества в качестве открытого поля для деконструкции различных культурных традиций любой стиль философского мыслетворчества всегда оставляет «следы» в пространстве мысли, доступные апроприации, тем самым закладывая прецедент, утверждающий его право постоянно изменять форму собственной презентации. В этой связи логико-рационалистические, художественно-образные, религиозно-мистические, синтаксические, аналитические, деструктивные и т. п. стили философского мыслетворчества можно рассматривать как различные способы презентирования философского знания. Знания, отражающего квинтэссенцию онтологических и гносеологических вопрошаний человека в идеалистических, материалистических, дуалистических, религиозных, плюралистических и т. д. системах миропонимания.

В недрах «доосевого» времени «зародилась» и такая форма художественно-образного осмысления реальности бытия, как фольклор. Трансформировавшись из способа языкового мышления в философскую мыслеформу, он стал незаменимым философским средством констатации опытов быстротекущей жизни. Это пословицы, поговорки, паремии, притчи и т. д. Древнейшим способом презентирования философского мыслетворчества посредством художественно-образного стиля размышлений является афористика. О ее философских потенциях можно судить по сочинениям Цицерона, Сенеки, Сократа, Конфуция, Тертуллиана, Ф. Бэкона, Рабле, Ж. Лакана, Ф. Ницше, А. Шопенгауэра, У. Шекспира, Б. Паскаля, М. Монтеня, С. Кьеркегора, М. Хайдеггера, В. Тютчева. Смысловая динамика ее ментальных конструктов, благодаря сжатию информации до ядерного состояния, позволяет ей «фонтанировать» смысловой многослойностью, метафоричностью, лаконичностью, сентенциозностью, парадоксальностью. А. Белый определял ценность философской афористики тем, что она позволяет мгновенно окинуть любую направленность горизонта человеческого развития, найти и помочь открыть дверь в мир человеку там, где автор лишь

попытался расставить вехи смыслообразов. В доосевые времена сформировался и иконический стиль философского мыслетворчества. Его корневая система обнаруживается не только в античной, но и средневековой мифологии, античной математике, в философских рассуждениях Архимеда, Гиппарха, Филалая, Пифагора, Платона. П. А. Флоренский задумывал создание словаря иконических знаков-символов с «прорисовкой» их смысловых значений: от точки до сложных фигур и конфигураций. Философское художественно-образное мыслетворчество обнаруживает себя даже в «поступочных» формах. Жизнь Демокрита, киников, движение дервишей, хиппи, саньясинов, бессловесное философствование исихастов – своей жизнью они демонстрировали реальность ценностных норм и смыслов своего бытия. Их молчание, немота были не менее существенны, чем собственно речь (Бибихин).

Являясь сложными, открытыми, самоорганизующимися системами, стили философского мыслетворчества исторически реализуют свое бытие как критико-рефлексивные процессы осмысления экзистенциональных состояний бытия человека. Каждый из них несет на себе «печать» своих создателей, «следы» темпоральности времени, давших возможность им «стать на ноги»: платонический, эпикурейский, схоластический, стоический, спинозиский, картезианский, кантианский и т. д. претендуя своими конфигурациями значений выставить «напоказ» родовую истину человеческого бытия в мире и «свои» способы ее познания. В этом плане интерес представляет высказывание Дерриды о том, что философское мыслетворчество и способы его презентирования рождаются "на границах философии", т. е. вне, «поверх» исторически обретенных межеваний. Это подводит нас к мысли о том, что стили философского мыслетворчества исторически не развиваются изолированно друг от друга. В пространственно-временном континууме философского мыслетворчества они образуют диалектически сложную, но целостную вязь концептуальных цепочек переплетения. Здесь каждое звено пересекается с близлежащим, но при этом может не иметь непосредственных связей с другими, может никак к ним не относиться либо иметь сложно опосредованные переходы. Например, переход от позитивизма к экзистенциализму без опосредующей роли феноменологии был бы практически невозможен.

«Различение», по оценке Делеза, становится подлинным началом новых аспектов философской рефлексии и способов её стилевого мыслеоформления. «Предметные поля» в этом случае обозначаются не констатацией наличия, а через обнаружение отсутствия необходимого порядка и его конструктов там, где это философствующий разум ожидал найти. По сути, получается, что не парадигмы, не исследовательские программы как теоретические идеализации, используемые исключительно на уровне методических удобств, а стили философствования могут претендовать на роль методологических «фонарей», ориентирующих мыслетворчество философствующего разума в «экзистенциональном потоке реки времени». Они не оторваны от онтологических оснований человеческой бытийности. Они вбирают «в себя все» и, подобно ленте Мебиуса, у которой нет внешнего и внутреннего, позволяют ощутить и выразить многоликость, многомерность, многовекторность, разнонаправленность и непредсказуемость жизненных сюжетов человеческого бытия в его познавательной активности.

Особенности развития постнеклассического философского мыслетворчества с его разнообразными пластами рефлексий, практик миропонимания, «разрывающих» границы между философскими школами и мировоззренческими системами, создали прецедент для разговоров о «кризисе» философского мыслетворчества. Его обвиняют в подмене философской проблематики игрой мыслетехник, смешении стилей философствования, видов и форм познания, излишней метафоричности, отсутствии логической ненадежности и достоверности в объяснении и комментировании тех или иных мировоззренческих ситуаций. С точки зрения Ж. Келле постнеклассический «конструктивизм» формирует такой тип мировоззрения, который, «надстраиваясь» над матричными основами философского знания, подменяет собой философские направления и системы, разворачивая философскую логистику не на определение проблемы «что такое познание», а на вопрос, какую практическую ценность оно представляет для человека. Последнее делает подобные «творческие искания» несовместимыми не только с какой-то конкретной системой философских взглядов (что допустимо), но со всей историей философии в целом.

Почему современные стили презентирования философского мыслетворчества вызывают негативные оценки? Во-первых, ими был поставлен вопрос о том, может ли философское мыслетворчество претендовать на роль научного знания? Большинство

современных авторов, рассматривая его как интеллектуально-духовный способ миропознания полагают, что философское мыслетворчество не способно быть наукой в точном смысле этого термина – в смысле science. Со времен Р. Декарта философская мысль увлекалась развитием наукообразных стилей мышления во всех ипостасях, логикой доказательств, созданием «жестких» конструктов миробытия. Классическая философская традиция, по мнению Алейник Р. М., Маркова Л. А., Механиковой Е. А. и т. д., «предала забвению» изучение смыслополагающих аспектов нравственной стороны деятельности сознания. По словам Р. Сафрански, современные стили философского мыслетворчества «развернули» человека к его душе, сомнениям, самопознанию «себя самого в себе самом», побуждая его всматриваться в реальное бытие, открывать его для себя, других, мира в целом. Получать возможность наслаждаться феноменом своего присутствия в нем. Взламывать повседневность, открывать ее тайны и новые горизонты в индивидуальном бытии каждого. Во-вторых, языковые формы классических философем превратились со временем в «застывшую языковую картину мира». Они оказались не способными озвучивать современные тенденции философских размышлений о модусах человеческого бытия. Устав от отвлеченности классического метаязыка, философствующий разум стал освобождаться от безжизненных семиотических концептов. Искать иные языковые формы смысловыражения, иные философемы, в которых не потеряны адекватные связи между образом мира и истолкованием этого образа в языке, в слове и его смыслах, как это уже сделали в своем творчестве С. Кьеркегор, Ф. Ницше, А. Бергсон, М. Хайдеггер, К. Ясперс, Ж.-П. Сартр, М. Мерло – Понти, Г. Марсель и т. д. Философствующий разум, начиная с античной эпохи, постоянно вводил новые семантические поля с помощью новых слов или наполняя новым смыслом старые: «идея» у Платона, «бытие» у Парменида, «вещь в себе» у И. Канта. «Диалектика» и «снятие» у Г. В. Ф. Гегеля. «Позитивизм» у О. Конта. «Сверхчеловек» у Ф. Ницше» и т. д. Это освобождало мысль из плена повседневного языка и предрассудков его употребления здравым смыслом. Слово, введенное в языковый оборот философской мысли, становилось наилучшим хранителем смысловой информации. Ж. Делез и Ф. Гваттари, рассуждая об особенностях философского языка, синтезе в нем новых концептов и понятий, отмечали, что философские концепты не ждут нас готовыми, наподобие небесных тел. Их должно изобретать, изготавливать, творить, и без подписи сотворившего они ничто. Проходя через множество ступеней доказательства, они становятся печатью бессмертия своего автора, нестирающимся следом его пребывания на философском Олимпе. Новые понятия «подвигают» практику философствования к «переопределению» сложившихся критериев «философичности»: целей, проблематики, предмета мыслетворчества и т. д.

Признав истинной, вслед за В. Г. Гегелем, мысль о том, что философское мыслетворчество является мировоззренческим зеркалом, проходящих чередой эпох, следует принять во внимание и то, что оборотной стороной этого обстоятельства становится признание того факта, что, отражая мировоззренческие изменения в ликах эпох, оно само развивается, т. е. находится в динамике. Приращение философских знаний, изменение приоритетов, таким образом, процесс неизбежный, дающий возможность развивать иные способы прочтения мира. Поэтому за рассуждениями о «конце» философии, «письмах в развалинах» нужно увидеть образное выражение потребности пересмотра тех теоретических очевидностей, которые, оформляя наше сознание, отдалили нас от реальности, оставив бытие в прогрессирующем забвении. Вопрос же заключается в ином – где та грань, за которой изменения не будут способствовать разрушению «тела и духа» философии как социокультурного феномена, в котором осуществляют свое личностное развитие философствующие субъекты? Исторически взаимоотношения между стилями философского мыслетворчества, презентирующими сосуществующие в едином целом мировоззренческие концепты, осуществлялось в диалектическом единстве и диалогическом конструктивизме. Противостояния между ними способны, с нашей точки зрения, возникнуть лишь при условии, когда намечается отказ от полноты параметров образа обсуждаемой темы, за «границами» которой начинается хаос точек презрения к реальности, презрения такой же силы, с какой каждый стиль способен претендовать на единственность и власть, заявлять о своей единственности, власти своей точки зрения. Хайдеггер отмечал, что философское мыслетворчество, представляя личностное усилие отдельного индивидуума, остается уникальной гранью жизни человечества, поскольку в точке пересечения всех актов онтологических

и гносеологических вопрошаний философствующего разума находится Человек. Он «пребывает» в этом фокусе не только как часть бытия, но и как его сущностно-проективная ипостась, точка роста, как главное действующее лицо. В. Д. Губин писал, что создавая в себе душевным напряжением подлинное переживание бытия, философствующий субъект вглядывается в сущность внутренне данного содержания переживаний. При этом он осуществляет своеобразное «установление» пережитого с той соразмерностью, которая открывается ему в бытии и которая побуждает сказать об этом другим. Жажда диалога, желание быть услышанным и дополненным другими выводят его мыследеятельность за пределы субъективного самоистолкования им опыта трансцендирования над собственным сознанием.

Самоосознание «самого себя в себе самом» является тем фундаментом, на котором индивидуум выстраивает свои ценностносмысловые и познавательно-деятельные отношения с миром природы и общества. Однако для осознания самого себя в качестве субъекта, имеющего внутреннюю потребность и устремленность заниматься философским мыслетворчеством, мало иметь даже собственный «жизненный проект бытия». Надо иметь определенный уровень личностного развития, который задается приобретенным опытом разумности (И. Кант) и который проявляет себя как степень осознания меры и глубины ответственности человека за себя и других. Ведь можно жить ответственно, осознавать все происходящее вокруг тебя, но бытом в малом времени, а можно – бытием – во времени большом. Личность, выбравшая философское мыслетворчество в качестве матрицы для развития своих родовых сил, должна извлечь из «закромов» своего духовного мира такие стержневые его конструкты, которые, добавляясь к разуму, ввели бы «особое измерение» в опыт ее бытийности. Это открытость миру, познанию, одержимость жаждой знаний о том, что есть, как по ту, так и в посюстороннем мире. Личность, определяющая свое философское мышление и «овнешнивая» его, не может довольствоваться выстраиванием его как все: по традиции или исходя из общепринятой и общезначимой реальности. Она выстраивает его на основе свободного выбора предельных оснований её осуществления. Руководствуясь свободным выбором мировоззренческих принципов и позиций, она выстраивает внутренне согласованную систему взглядов, выражающих осознанную мотивацию её мыследеятельности и поступков. Если ее «Я» и мир вокруг перестают отвечать сделанным ею смысложизненным выборам и ценностным ориентациям в силу эволюции личности, то она решительно должна искать в себе силы поменять и то, и другое. И. Кант советовал личности, имеющей мужество пользоваться своим умом, применять его свободно и оригинально, а не рабски подражательно. Уметь находить в «предметных полях» философского мыслетворчества terra ihcognita – «неозвученные» аспекты философских вопрошаний к миру, наличие которых только «угадывается» на «границах» разных областей философского знания, вскрывает фундаментальный гештальт, семантико-аксиологический стержень философской ментальности в обосновывающем себя мышлении субъекта. Субъекту философствования, «овнешнивающему» свое миропонимание, жизнь дает огромную палитру возможностей его «бытия-в-пути» на высоты философских ристалищ. Чтобы состояться субъектом философского мыслетворчества, необходимо постоянно реализовать заповеди философского развития: «включать» в личную историю жизнебытия новые практики и опыты философствования, новые представления о реальности. Не «замыкаться» на результатах и усилиях только личностного философского мыслетворчества. Ведь «выпуская» свое философствование на свободу, субъект философствования должен понимать, что главной целью его мыслетворчества является не текст, не звуки речи, а другой человек, отозвавшийся на его голос. Без его ответа и голос философствующего разума всего лишь «глас в пустыне». Без его смысла он и свой не найдет. Это всегда стимулирует философствующий разум держать напряжение мысли. Вслушиваться в структурные сдвиги времени, анализировать его вызовы, позиционируя себя в поле существующих точек зрения. Реализация этих условий делает возможной «встречу» экзистенционального, личностного опыта философствования с мировой философской культурой и обретение субъектом своего стиля философствования.

1. Борисов С. В. Эпистемология наивного философствования [Текст] / С. В. Борисов. М., 2007.
2. Бибихин В. В. Язык философии. М.,1993.